

УДК 82(100)(091)

РОДОВАЯ ПАМЯТЬ В СУДЬБЕ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Ольга Александровна Попова
ассистент кафедры русской литературы
Пермский государственный университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15 olgalex@mail.ru

В статье рассматривается тема памяти в русской прозе конца XIX – начала XX вв. В русской литературе обозначенного периода эта тема в наибольшей степени связана с образом дворянской усадьбы. В работе представлены три варианта осмысления роли родовой памяти в судьбе усадебного мира: идеализирующий, критический и диалектический. Анализ образа дворянской усадьбы свидетельствует об актуальности вопроса о традициях для общественного сознания рубежа XIX – XX вв. не только в плане их ломки, но и сохранения.

Ключевые слова: русская проза; память; традиция; дворянская усадьба; герой дворянской усадьбы.

Русская литература конца XIX – начала XX вв. вызывает интерес многих учёных. Исследован огромный материал, рассмотрено большое количество тем, образов, мотивов и т.п. Но до сих пор остаются проблемы, недостаточно изученные с точки зрения динамики литературного процесса.

Одной из них является тема памяти, её осмысление писателями конца XIX – начала XX вв. Постулат о необходимости сохранения памяти, о признании её как основы бытия, высказанный А.С.Пушкиным в стихотворении «Два чувства равно близки нам...», в русской прозе конца XIX – начала XX вв. оценивается крайне неоднозначно. В литературе основной «ареной» споров, касающихся роли памяти в жизни человека и целой культуры, становится дворянская усадьба. Такое обстоятельство определено тем, что именно дворянская усадьба в русской культуре рубежа XIX – XX вв. воспринималась как основное хранилище памяти – родовой и культурной. Насыщенность усадебного воздуха памятью о прошлом отмечается, в частности, такими исследователями, как Г.Ю.Стернин [Стернин 1994: 49] и В.Г.Щукин [Щукин 1997: 98].

В русской прозе конца XIX – начала XX вв. существовало, на наш взгляд, три основ-

ных концепции дворянской усадьбы: идеализирующая, критическая, диалектическая. Каждая концепция формирует свой вариант осмысления роли родовой памяти в судьбе усадебного мира.

Писатели первой группы, создающие в своих произведениях идиллически-возвышенный образ дворянской усадьбы, абсолютизируют моменты положительного влияния памяти на жизнь дворянских героев («Детство Никиты» А.Н.Толстого, «Детство» П.С.Романова, «Троицкая кукушка» И.А.Новикова, «Творимая легенда» Ф.К.Сологуба, проза Г.И.Чулкова). По мнению названных писателей, тесная связь в усадьбе прошлого и настоящего является залогом стабильности этого мира, придаёт дворянским героям чувство укоренённости, уверенности в жизни. Неслучайно поэтому в произведениях названных авторов большое место уделяется описаниям старинного интерьера, мебели, портретов предков.

Наполненность усадебного мира дыханием прошедших веков усиливает также сакральность образа дворянской усадьбы. По словам В.Г.Щукина, «в обжитом пространстве усадьбы, *выражаясь метафорически*, обитал дух прошлого» (курсив мой – О.П.) [Щукин 1997: 98]. Однако, на наш взгляд,

многие писатели конца XIX – начала XX вв. говорили о духе (или духах) прошлого, обитающих в усадьбе, отнюдь не в метафорическом, а в реальном плане, воспринимая эту теневую действительность усадьбы как объективно существующее явление.

Так, например, в романе Ф.К.Сологуба «Творимая легенда» и рассказе Г.И.Чулкова «Сестра» образ дворянской усадьбы является символической моделью особо устроенного мира, обладающего своими законами и принципами жизни. В дворянской усадьбе Ф.К.Сологуба и Г.И.Чулкова предельно взаимосвязанными оказываются мир земной и потусторонний; пути мёртвых и живых постоянно пересекаются. Хозяева усадеб в произведениях рассматриваемых писателей обладают тайными знаниями, сокрытыми от других людей, оказываются хранителями тайны жизни и смерти. Способность общения с предшествующими поколениями, с точки зрения названных писателей, даёт человеку возможность избежать одиночества в земном мире и быть посвящённым в тайну бытия.

Усадьба Г.И.Чулкова является местом обитания всего рода, родовым гнездом, где сходятся пути мёртвых и живых, где совершается своеобразный круговорот бытия, образующий «загадочную кровную связь» [Чулков 2004: 1]. В мире усадьбы существует некое нерасторжимое единство между ушедшими в мир иной и оставшимися на земле: «Мы все, живые и мёртвые, скованы одною цепью» [Чулков 1912: 630]. В рассказе Г.И.Чулкова «Сестра» героев навещает призрак недавно умершей тётки, причём если приехавший в усадьбу герой объясняет её появление расстройством воображения и нервным переутомлением, то причастная к тайнам усадьбы Ариадна, единственная наследница тётки, ощущает её присутствие как реальный факт. Общение главной героини с призраком умершей сестры происходит также в повести Г.И.Чулкова «Маргарита Чарова».

Г.И.Чулков, наделяя своих героев именами и фамилиями, часто прибегает к использованию мифологических реминисценций, благодаря чему образы героев становятся предельно обобщёнными и могут быть осмыслены символически. Так, в частности,

образ героини рассказа «Сестра» соотнесён с мифологическим образом Ариадны, дочери критского царя, давшей Тесею клубок ниток, с помощью которого он, убив Минотавра, смог выйти из лабиринта («нить Ариадны»). Ариадна Г.И.Чулкова посвящена в тайну жизни и смерти, в тайну дворянской усадьбы; она, подобно героине греческой мифологии, владеет нитью, способной вывести героя из лабиринта жизни.

Образ Ариадны является достаточно характерным для русского символизма конца XIX – начала XX вв. В мифологии символистов, на наш взгляд, греческая героиня наделяется такой, не присущей ей ранее чертой, как способность соединения времён: «Меж прошлым и будущим нить/ Я тку неустанной проворной рукою...» [Бальмонт 1997: 479]. Путеводная нить Ариадны становится нитью, соединяющей между собою прошлое, настоящее и будущее. Лабиринт, из которого Ариадна выводила Тесея, осмысливается как лабиринт жизни, мир-лабиринт, и единственным средством, благодаря которому можно удержаться в этом мире и выйти из бессмысленного лабиринта жизни, является соединение времён, нить, способная связать собою стремительно мчащееся куда-то время. Функцией связи времён наделена и Ариадна Г.И.Чулкова. Именно она становится путеводной нитью для героя рассказа, которая, однако, со смертью сестры ускользает от него. Мотив выскальзывания нити Ариадны из рук человека также характерен для символизма [Ханзен-Лёви 1999: 87].

Умирая от болезни, героиня Г.И.Чулкова уносит с собой тайну дворянской усадьбы, оставляя героя одного перед лицом мира: «А я один в печали моей и ничего не знаю, ничего не знаю...» [Чулков 2003: 1]. Вместе с дворянской усадьбой, представляющей собой особый космос, и с её обитателями ускользает из рук человечества, с точки зрения Г.И.Чулкова, таинственная нить, связующая собою прошлое, настоящее и будущее. Этот взгляд на усадьбу отмечен печатью трагизма.

Совершенно иначе к отягощённости дворянской усадьбы родовой памятью относятся писатели – представители критического взгляда на образ дворянской усадьбы. Приверженцы критической концепции особо заостряют моменты несвободы героев от влия-

ния на них сил рода и рока, нависших над усадьбой. Образ дворянской усадьбы как мир смерти и тяжёлого сна противостоит в произведениях представителей критической концепции образу окружающего мира, полного жизни и свободы.

В рассматриваемой группе можно выделить две тенденции, характеризующие отношение писателей к духу прошлого в усадьбе. Согласно одной из них, наполненность дворянской усадьбы мистическим кошмаром и атмосферой роковой предопределённости имеет объективный характер, не является следствием психического расстройства обитателей «дворянских гнёзд». Такой взгляд выражен, в частности, в произведениях С.М.Городецкого «Сутуловское гнездовье», Б.А.Садовского «Лебединые клики», «Ильин день» и С.Н.Сергеева-Ценского «Печаль полей». В этих произведениях создаётся своеобразный антимиф дворянской усадьбы, совершенно противоположный мифу об усадьбе как первоистоке бытия, отражённом в произведениях идеализирующей концепции.

Представители другой тенденции (А.Амфитеатров, М.Кузмин, С.А.Ауслендер) скептически относятся к мистицизму обитателей дворянских усадеб, воспринимая его как психическую болезнь и дурную наследственность дворянских героев.

В названных произведениях С.М.Городецкого, Б.А.Садовского и С.Н.Сергеева-Ценского создаётся мистическая картина дворянской усадьбы, выражающаяся в постоянном таинственном влиянии на усадебную жизнь теней загробного мира; над усадебными героями нависают тёмные силы, порабащивающие их волю. В образе дворянской усадьбы писателями выделяются такие трагические основания, как несвобода героев от власти рока и судьбы; неспособность противостоять тайным силам, воздействующим на них; сон и смерть, постепенно овладевающие усадьбой.

Дворянская (княжеская) усадьба в повести Б.А.Садовского носит поэтическое название «Лебяжье». Однако внутренняя сущность усадьбы оказывается совершенно иной. Жизнь усадьбы в повести окружена колдовскими чарами. Герои чувствуют постоянное присутствие здесь тёмных сил,

олицетворением которых являются карлик Сычик и покойный князь Курятев, бывший муж княгини Зенеиды, получивший от кого-то проклятие при жизни и не оставляющий княгиню даже после смерти.

Особую магическую власть над княгиней имеет портрет покойного князя. Портреты в усадебном мире русской культуры обычно выполняют, по мнению исследователей, функцию соединения времён [Стернин 1994: 50]. На наш взгляд, в произведении Б.А.Садовского функция портрета носит более широкий характер: через портрет распространяется власть прошлого в настоящем, происходит непосредственное взаимодействие мира живых и мира мёртвых.

В той роли, какую играет портрет покойного князя в повести Б.А.Садовского, прослеживается аллюзия к творчеству Н.В.Гоголя. В повести Б.А.Садовского от портрета покойного князя исходит такое же пагубное, парализующее душу героини влияние, что и от портрета ростовщика в произведении Н.В.Гоголя. Однако если Н.В.Гоголь большое место в «Портрете» уделяет вопросу о природе и силе искусства, то Б.А.Садовского этот вопрос не интересует. Для Б.А.Садовского в повести «Лебединые клики» важен момент родовой зависимости в дворянской усадьбе жизни живых от влияния мёртвых, подчинение воли потомков дыханию смерти, отражение на их судьбе страшного проклятия, полученного когда-то предками: узы проклятия, от которого не мог избавиться при жизни князь Курятев, после его смерти охватывают княгиню Зенеиду, которая также не может преодолеть их.

В царство смерти превращается также некогда крепкая и надёжная дворянская усадьба в повести С.М.Городецкого «Сутуловское гнездовье». Живой здесь – лишь «незванный гость», «здесь копошится своя мёртвая жизнь, имеющая свои мертвецкие законы и свой особенный уклад» [Городецкий 1987: 325]. Герои, живущие в усадьбе, мучимы неясными предчувствиями, которые приходят к ним как ужасные чудовища и выпивают из них все жизненные соки.

Дворянские герои С.М.Городецкого высоко ценят чувство причастности к древнему роду и к родной земле. Однако если в произ-

ведениях идеализирующей концепции, так же как и у А.С.Пушкина, родовое наследие мыслится как основа мироздания, то в повести «Сутуловское гнездовье» умирающий, уходящий в прошлое род увлекает за собой и своих наследников, ещё живущих на земле. Молодые Сутуловы, герои повести С.М.Городецкого, остро ощущают свою обречённость и несвободу. Молодой Дмитрий Сутулов, последний наследник по мужской линии, полный жажды жизни и надежд на будущее, попадая в свою родовую усадьбу лишь на время, ощущает вскоре полное внутреннее опустошение. Родовые силы подчиняют себе последнего отпрыска, не оставляя ему возможности свободного выбора своей судьбы (Дмитрий тонет в усадебном пруду, образ которого в произведении С.М.Городецкого символичен).

Сильное влияние прошлого ощущают также герои произведения С.Н.Сергеева-Ценского «Печаль полей». В этом произведении, жанр которого сам писатель определил как «поэма», происходит поэтизация образа дворянской усадьбы. Однако в этой поэтизации сильно заявляет о себе начало дисгармоничное, трагическое. Представление о наличии начала дисгармонии в красоте было характерно для мироощущения модернизма рубежа XIX – XX вв., чьё влияние во многом испытал на себе и С.Н.Сергеев-Ценский. Дворянские герои С.Н.Сергеева-Ценского ощущают присутствие в своей жизни чего-то тревожного, невидного, слепого, которое имеет неумолимую власть над их судьбою, и жизнь их становится безуспешной борьбой с этой роковой предопределённостью.

В рассмотренных нами произведениях Б.А.Садовского, С.М.Городецкого и С.Н.Сергеева-Ценского проникновение в дворянскую усадьбу сил потустороннего мира воспринимается писателями как объективно существующее явление. Однако в ряде произведений А.В.Амфитеатрова (роман «Жар-цвет»), М.А.Кузмина (повесть «Покойница в доме») и в таком рассказе С.М.Городецкого, как «Страшная усадьба», подобное общение с представителями иного мира рассматривается писателями как следствие больного воображения и психической неустойчивости героев. Это свидетельствует, по мысли писателей, о вырождении дворян-

ства, исторической бесперспективности прежней, дворянской культуры.

Для героев названных произведений А.В.Амфитеатрова, М.А.Кузмина и С.М.Городецкого характерна чрезмерная, с точки зрения писателей, увлечённость оккультными науками, теософией и т.п., следствием чего становится, как правило, психическая болезнь, расстройство нервной системы.

Особую роль в психической неустойчивости героев играет родовая наследственность. Особое внимание родовой дворянской наследственности уделяет А.В.Амфитеатров во второй части романа «Жар-цвет». «А.Амфитеатров любит проследить наследственность через всю родословную», – пишет В.Львов-Рогачевский [Львов-Рогачевский 1911: 247]. Действительно, в романе мы сталкиваемся с описанием судеб прапрадеда, прадеда, деда, тётки Валерия Гичовского, главного героя произведения. Все они наделены какими-либо психическими, с точки зрения автора, изъянами. Прапрадед увлекался мистикой, собрал огромную коллекцию мистических книг; прадед был «полуфакиром, человеком не от мира сего – одарённый способностью ясновиденья и редкою магнетическою силою» [Амфитеатров 2000: 513]; дед имел «важный психический изъян: он страдал галлюцинациями слуха и зрения» [Там же]; тётка считалась сумасшедшей, в своих записках она говорит о явлениях к ней некоего призрака, вампира. Вся эта больная наследственность переходит, в конечном счёте, к последним представителям рода – Валерию Гичовскому и его брату, обрекая их также на неминуемое сумасшествие.

В конце романа А.В.Амфитеатров подробно анализирует болезнь Гичовского, связанную с воспалением мозговых оболочек; с точки зрения науки пытается объяснить все галлюцинации и странные поступки героя. Однако, несмотря на это, у нас складывается двойственное впечатление об отношении автора к описываемым в романе событиям. В предисловии к роману автор называет себя позитивистом и материалистом. Но, на наш взгляд, ему не удаётся полностью опровергнуть объективность существования описываемого в произведении потустороннего ми-

ра. Некоторая двойственность позиции автора была замечена ещё современниками А.В.Амфитеатрова, в частности, В.Л.Львовым-Рогачевским, который пишет, что «хотя почтенный автор – “позитивист до мозга костей своих” и к роману прилагает длинный список учёных трудов разных психиатров, а когда читаете его романы, вы порой подозреваете, что этот позитивист – тайный мистик <...> Слишком неубедительно рассеивает он страхи» [Львов-Рогачевский 1911: 256].

Миф об обитании в дворянских усадьбах духов прошлого, предков, различных призраков становится неким штампом, который нередко использовался и используется писателями для окружения образа усадьбы особой таинственной атмосферой, для увеличения читательского интереса. Однако в развязке произведения обнаруживается, что легенды об обитании в той или иной усадьбе призраков являются вымыслом тех или иных героев, которые пользуются им для достижения собственных целей.

Нередко подобный приём используется в современной детективной литературе. В качестве примера можно назвать приключенческий детектив В.Гусева «Призраки графской усадьбы» (1999), в котором роль призраков принимает на себя группа воров, желающих ограбить музей, находящийся в старинной графской усадьбе.

К созданию ложных слухов об обитании в дворянской усадьбе призрака бывшего владельца прибегают также герои польской литературы. В частности, атмосферой тайны окружена усадьба в романе польского писателя В.Лозинского «Заколдованная усадьба», написанном ещё в 1859 году: «<...> Издалека многие наблюдали свет в Заколдованной усадьбе и то, как покойник с нагайкой по крыльцу прохаживается или на чёрном, как уголь, коне скачет по крыше своей усадьбы» [Лозинский 1984: 24]. В этом произведении целью окружения усадьбы различными легендами является маскировка действительно происходящих в ней событий: в усадьбе скрывается её владелец, которого все считают погибшим, принявший участие в польском освободительном движении и разыскиваемый властями.

Несоответствие слухов и действительности приводит к разрушению сакральности образа дворянской усадьбы, представления о ней как об особом исключительном мире, где нерасторжимо связаны прошлое и настоящее, умершие и живые, предки и потомки, что способствует, в конечном счёте, критике нравственно-эстетических основ усадебного бытия.

Синтез идеализирующего и критического взгляда на русскую дворянскую усадьбу, а также и на роль родовой памяти в её судьбе происходит в произведениях диалектической концепции, наиболее ярко и полно выраженной в творчестве И.А.Бунина. В его произведениях сохранение памяти мыслится, с одной стороны, как одна из важнейших жизненных основ, в чём писатель абсолютно солидарен с А.С.Пушкиным. Одним из символов памяти, живущей в душе человека, выступает в произведениях И.А.Бунина образ родовой часовни. Несмотря на то, что такая часовня может быть забытой, порушенной, заросшей травой, в ней всегда горит огонёк, освещающий путь жизни героя – как нравственный, духовный ориентир («Светляк», «Всё снится мне заросшая травой...»).

Память и преемственность являются также, с точки зрения И.А.Бунина, необходимой основой творчества («Поэзия не в том, совсем не в том, что свет Поэзией зовет...»). Не случайно герой рассказа И.А.Бунина «Пост» погружён в творчество именно в родовой усадьбе, для которой одной из основополагающих категорий является память, а сам писатель в произведениях неоднократно обращается к традициям русской классики, в частности – к творчеству А.С.Пушкина.

Приоритет родовой памяти в усадебном мире становится определяющим в противопоставлении И.А.Буниным образа дворянской усадьбы и образа дачи. Символика дворянской усадьбы, связанная в ряде произведений писателя с изначальным лоном бытия, с домом души (например, «Пост», «Жизнь Арсеньева»), противопоставляется даче как временному приюту человека на земле, в котором герой обычно пребывает в одиночестве («И ветер, и дождик, и мгла...», «В дачном кресле, ночью, на балконе...»). Если в мире дворянской усадьбы человек, с точки зрения И.А.Бунина, сохраняет свою индивидуаль-

ность и в то же время глубинами души связан со всем мирозданием, то дача лишает его родовых корней, вселенная человека сужается, мельчает.

Однако, наряду с признанием необходимости сохранения памяти для жизни как отдельного человека, так и целой культуры, И.А.Бунин в ряде произведений констатирует факт сильной, почти тотальной зависимости дворянских героев от власти прошлого, что не позволяет им активно реализовывать себя в современной жизни. В сознании дворянских героев происходит трагический разлад между нравственно-эстетическими нормами, закреплёнными в жизни дворянской усадьбы, и теми «мелкими», с их точки зрения, принципами, которые выдвигает современная им действительность рубежа XIX – XX столетий.

С сильной властью дворянского рода над сознанием героев, которые ощущают себя восприимчивыми опыта, накопленного их предками, в ряде произведений И.А.Бунина связан трагизм любви. Наследие предков осознаётся героями рассказа «Последнее свидание» как несвобода, как тяготение рода и рока, как данность, которую должно без ропота принять: «Вера, мы, дворянское отродье, не умеем просто любить. Это отравка для нас» [Бунин 1987: 332]. Голос предков, их кровь, устои и традиции становятся сдерживающей, почти магической силой, делающей героев непригодными для жизни вне усадьбы. Стрешнев, герой рассказа «Последнее свидание», подчёркивает ненужность, да и невозможность ухода от древнего наследия рода в поисках новой жизни. Ощущая себя восприимчивым векового наследия пусть уходящей, но обладающей высокими ценностями культуры, он не желает променять их на «мелкую монету» современности: «Зачем ты ушла – и за кем! – из своего рода, из своего племени? Мы должны умереть в нём. Будь мы трижды прокляты, но это так! Сколько сумасшедших от любви в наших, дворянских, летописях! Но это *лучше, лучше*, – мы для теперешних распутных романов не годимся» (курсив мой – *О.П.*) [Бунин 1987: 638].

Представители диалектической концепции дворянской усадьбы, утверждая стабильность жизнеустройства, обусловленную

связью времён и сохранением традиций, подчёркивают в то же время необходимость развития и обновления, напоминают о важности внимательного отношения к своей жизни, чтобы в последствии судьба предков не стала преградой на пути потомков.

В русской прозе конца XIX – начала XX вв. наблюдается повышенная частотность обращения к образу дворянской усадьбы, концентрация вокруг него важнейших проблем, что свидетельствует о знаковой роли данного образа для всей литературы и культуры «серебряного века». Повышенное внимание к образу дворянской усадьбы говорит о важности для этого переходного периода обращения к прошлому и вопроса о связи времён, а анализ данного образа свидетельствует об актуальности вопроса о традициях для общественного сознания рубежа XIX – XX вв. не только в плане их ломки, но и сохранения.

На сегодняшний день время жизни дворянской усадьбы удаляется от нас всё дальше и дальше, а вместе с ним уходят и забываются нравственно-эстетические ценности, которые она хранила в себе. Проблема потери памяти, своего собственного «я», своих корней и жизненных основ в последние десятилетия не ослабла, но стала ещё более острой. И сегодня, на наш взгляд, особенно актуальны слова, сказанные историком М.Я.Гефтером: «Это всё-таки заблуждение, что будущее всегда впереди. На самом деле люди, народы, цивилизации издавна двигались вперёд спиной, лицом же к тому, что без возврата и без забвения. И ныне, особенно теперь, у грядущего в демиургах – память» [Гефтер 1996: 80]. И русская усадьба в литературе конца XIX – начала XX вв. напоминает нам об этом.

Список литературы

Амфитеатров А.В. Собр. соч.: в 10 т. Т.1. М.: НПК «Интелвак», 2000.

Бальмонт К.Д. Собр. соч.: в 2 т. М.: Можайск-Терра, 1994.

Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т.3. М.: Художественная литература, 1987.

Гефтер М.Я. Жизнь памятью. Из эпилога // Век XX и мир. М., 1996. № 1. С. 78-80.

Попова О.А. РОДОВАЯ ПАМЯТЬ В СУДЬБЕ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ.

Городецкий С. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987.

Лозинский В. Заколдованная усадьба: Роман / пер. с польск. О.Смирновой; ст. и прим. О.Смирновой. М.: Художественная литература, 1984.

Львов-Розачевский В. Писатель без выдумки (по поводу романов А.В.Амфитеатрова) // Современный мир, 1911. № 9. С. 240-265.

Стернин Г.Ю. Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1 (17). М.: Рыбинск, 1994. С. 46-52.

Ханзен-Лёви А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: «Академический проект», 1999.

Чулков Г. Маргарита Чарова. Ч. I-V // Ежемес. лит. и попул.-науч. прилож. к «Ниве». 1912. Т.I. С.619-634.

Чулков Г. Сестра // belousenko@yahoo.com. 2003. С.1-5.

Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997.

**THE ROLE OF ANCESTRAL MEMORY IN THE DESTINY
OF A COUNTRY ESTATE IN THE RUSSIAN PROSE
OF THE END OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES**

Olga A. Popova

Assistant of Russian Literature Department
Perm State University

The theme of memory in the Russian prose of the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries is considered in this article. This theme in Russian literature of this period is mostly connected with the image of a country estate. There are three variants of comprehension of the role of ancestral memory in the destiny of the estate: ideal, critical and dialectical. The sophisticated analysis of the image of a country estate shows the importance of traditions for social consciousness at the edge of 19-20th centuries (preservation of traditions and non-acceptance of them).

Keywords: Russian prose; memory; traditions; country estate; the hero of country estate.